

Не своди устало рот –
губы алы не губи.
Из сиреневых ворот
вылетают голуби.
Под остриженным кустом
своды выгнуты мостом –
ветки переплетены
зелены...

Там на стороне иной
за сиреневой стеной
семечки для голубей
или небо голубей –
в полный рост не увидеть.
Видно, надо приседать,
словно к нижней форточке,
на корточки.

Видно, надо рисковать,
чтобы тело расковать
или сердце – начали!
Да иначе ли?

Ты любишь гулять под дождем,
а я под дырявую сенью
на суше стоять пригвожден
ликующим ливнем весенним.

Гремящий летит водопад
на яблони майского сада
как предупреждение: брат,
не переходи водопада.

Небесной воды не мути,
завесы прозрачной не трогай –
дай девочке этой пройти
ее дождевою дорогой...

* * *

We all live in a yellow submarine...

Beatles

Трудоспособностью тела себя не тешь –
здесь и умы к старью, если в ином строю...
Я никому больше не подаю надежд –
только сигналы неслышимые подаю.
Если, не приведи, забарахлит сонар,
можно не уберечься и ниже дна залечь
метра на полтора – полный покой, so nice...
Вот, погляди – уже забарахлила речь.

По- или доживать на миру – Бог весть:
дорого в городе – можешь пойти в тайгу...
Как там дела на суше – живые есть?
К Джону ли Коннору, маршалу ли Шойгу
из водяной дозваниваться до земной?
От полюсов до жилых еще поясов
вымести напрочь, а после, как новый Ной,
наштамповать лопат из титановых корпусов?..

Коль под водой – не ной. Береги семью –
кто из детей, быть может, уловит суть...
Я никому надежды не продаю –
так отдаю. Осталось еще чуть-чуть.

* * *

Был – имя рек, а станешь – имярек,
в летучий снег войдя летучим пеплом...
Двадцатый год добил двадцатый век –
остались те, кто выжил в двадцать первом.

Носители ославленных идей,
любители блуждающих огней,
хранители целительного слова,
упертые ценители теней
и облаков небесного улова,
спасатели ветшающих корней –
но и оберегатели живого...

Пока растет – мы не наперечет,
хоть и по нашей очереди тоже
часы, как счетчик Гейгера, стучат
частицы жизни малые итожа.

* * *

Да всякий ли шляхтич из вышедших ныне на торный шлях?
Лукавое эхо в Анголу заманит его или в Англию?
Надолго ли наживо выстоят на земляных полях
комментарии наши глубокомысленные к Евангелию?
Не здесь и сейчас, но в иной равнозначный час,
когда отдалится земля обглоданными берегами,
найдется ли тот, кто положит пускай не на музыку нас –
хотя бы на доску, хребет переломанный оберегая?

Положит, да с перекладиной – крест-накрест или глаголь:
на выбор, мол, рассчитайся на журавель-синица –
пой или насвистывай, гугли или глаголь...
У этой развилки спокойно можно остановиться.
Да всякий себя вопрошает, зачем живем –
от заморозка нутро ни водка не упасет, ни наглость...
Как временные подпорки небу мы ходим или плывем
на ощупь сквозь морока на живой человеческий голос.

* * *

Простором досыта наполнись,
пока наверняка века
перемолачивает поезд
глубинами материка,
где под корнями ходит море,
и орошается земля
на придорожном косогоре
фонтанчиками ковыля,
и, как процеженная ситом
через кедровые тела,
степь, рассеченная Транссибом,
голубовата избела.

* * *

В жизни много всякой хрени,
но случается сюжет:
за окном – разрыв сирени
цветом в яблоневый цвет.

И сюжета в общем нету –
салютует добела
то ли деду за Победу,
то ли будущему лету
и тому, что дожила.

И ликующей Отчизне,
и таящейся – Бог весть...
Или просто цельной жизни
на сто лиц – какая есть.